

Ян Ло извелся от беспокойства, и виной тому была гончарная печь на гончарном дворе.

Если верить словам Ци Бая, открыть её следовало ещё вчера, но в жизни всегда есть место более важным делам. Вчера Ци Бай был занят сборами Лан Цзэ и его отряда, и жрец, понимая серьезность момента, не стал ему мешать. Однако сегодня день уже клонился к закату, а у пещеры юноши не было заметно ни малейшего движения. На улице валил густой снег, и на душе у Ян Ло становилось всё тревожнее. В конце концов старик не выдержал и поднялся к нему, обнаружив, что тот беспробудно спит до самого вечера.

Ци Бай проснулся от резкого чувства голода. В пещере царил густой, почти осязаемый мрак, и лишь у самого входа брезжил тусклый свет. Он сел, потирая заспанные глаза, и едва не вскрикнул от неожиданности: у самого ложа застыл темный, неподвижный силуэт. Лишь когда зрение привыкло к темноте, юноша узнал Ян Ло.

— Дедушка жрец, — выдохнул он, пытаясь унять бешено колотящееся сердце, — что вы здесь делаете?

Увидев, что Ци Бай наконец очнулся, Ян Ло разразился ворчанием:

— И как только у тебя совесть спокойна? Бросил печь на произвол судьбы! А если там действительно получилась посуда? Вдруг она испортится, пока лежит внутри?

Ци Бай, окончательно придя в себя, вспомнил о гончарном деле. Вчерашняя суета совсем выбила из головы мысли о керамике.

— Не волнуйтесь, — поспешил он успокоить старика, — с обожженной глиной ничего не случится. К тому же вы сами говорили, что у меня ничего не выйдет. К чему тогда такая спешка?

Ян Ло проигнорировал колкость. Пусть на словах он и выказывал скепсис, в глубине души жрец отчаянно надеялся на успех. Хороший гончарный горшок ценился не меньше, чем костяной нож из хребта Таинственной птицы. Если бы они научились их делать, на Торговом дне за такую утварь можно было бы выменять горы мяса, и соплеменники навсегда забыли бы о голоде.

Пол пещеры был завален каменной крошкой и углем, а у стен стояли корзины с олениной. Большая часть принадлежала самому Ци Баю, остальное же оставили Си Чжоу с товарищами — позже юноша должен был помочь им нарезать и заморозить остатки мяса. Ци Бай подивился тому, как Ян Ло ухитрился бесшумно пробраться к его постели через весь этот хаос; сам он, еще не окончательно проснувшись, несколько раз едва не наступил на инструменты.

Этот беспорядок напомнил Ци Баю об одной важной вещи: ему крайне необходима дверь. Ладно соплеменники, но если на запах мяса, пока он спит, забредут дикие звери? Его жильё находилось на самом краю — случись что, его хватятся, когда будет уже слишком поздно.

Прихватив бамбуковую флягу, Ци Бай вышел на склон. Он почистил зубы самодельной щеткой, умылся и тщательно вытер лицо и руки куском кожи. Ян Ло никогда не видел никого столь же привередливого: даже жрецы в его старом племени не тратили столько времени на утренние обряды.

Для Ци Бая же это были мгновения чистоты. Закончив, он подхватил с плоского камня несколько полосок вяленого мяса, протянул часть Ян Ло и жестом показал, что готов идти.

Однако жрец повел его не сразу к печам, а в пещеру Хоу Яня, которая располагалась по пути к гончарному двору и служила своего рода центром племени. Там их уже ждали Ху Хо и Сян Юй. Ци Бай, оглядев собравшихся, предложил:

— Дедушка жрец, я хотел бы позвать еще одного человека.

Этим человеком была Лу Го.

Ци Бай не сомневался, что рано или поздно добьется успеха, но не был уверен, что всё получится с первого раза. К тому же производство посуды для всего племени — задача не для одного человека. Ему нужны были надежные руки, и Лу Го, по его наблюдениям, подходила идеально.

У каждого был свой талант: Лу Го всегда выбирала лучшую древесину, из которой получался самый качественный уголь. Даже когда все перешли на одинаковое сырье, её уголь оставался самым цельным и долговечным.

Лу Го пришла без лишних вопросов и молча последовала за всеми. Она смутно догадывалась о намерениях юноши и знала: это её шанс, который нельзя упускать. Она была решительным азверолодом — это стало ясно еще тогда, когда она рискнула всем, пытаясь спасти дочь от рабства. Такая твердость духа редко встречалась в первобытных общинах, а уж среди рабов и подавно. Именно эта смелость и привлекла Ци Бая; он верил, что Лу Го еще не раз его удивит.

Сегодняшний снегопад был сильнее двух предыдущих. Всего за день намело столько, что сугробы почти сравнялись с результатами прошлых метелей. Ци Бай поднял воротник своей шкуры, пытаясь спрятать уши от ледяного ветра.

Подойдя к гончарному двору, они увидели, что вокруг печей на удивление чисто. Ма Шу и Ма Лин без усталости работали метлами, не давая снегу скапливаться на постройках. Заметив приближающихся людей, они поспешили к ним.

В лесу уже стояла глубокая ночь, и из-за метели силуэты едва различались. Ху Хо зажег несколько факелов от припасенных дров, озарив площадку дрожащим светом. Ци Бай взял каменную лопату и принялся осторожно вскрывать запечатанный зев печи. Все замерли, затаив дыхание.

Первая же глиняная миска, которую он вытащил, развалилась пополам.

Ци Бай принял это спокойно. Эта плошка была сделана из земли, взятой прямо у его пещеры, и служила скорее контрольным образцом — он на неё и не рассчитывал. Однако в руках у него был настоящий керамический черепок. Ян Ло принял обломок дрожащими руками, бережно поглаживая шершавую поверхность.

— Бог Зверей хранит нас! — его голос сорвался. — Племя Чёрной Горы действительно обрело гончарное искусство!

Остальные тоже не скрывали восторга, с нетерпением ожидая, что еще скрывает печь.

Следующие изделия вышли не слишком удачными. У одного горшка дно отвалилось сразу, как только его коснулись. Другой выглядел целым, но при ближайшем рассмотрении на его боках обнаружили глубокие трещины — разве что для красоты сгодится.

Наконец Ци Бай достал последнюю чашу. Он покрутил её в руках, не найдя изъянов, и легонько щелкнул по краю.

«Динь!» — чистый, звонкий звук разлился в морозном воздухе.

Казалось, получилось. Впрочем, в гончарном деле внешний вид не всегда гарантирует качество: если обжиг прошел плохо, чаша даст течь или треснет, едва её поставят на огонь.

В этот раз Ци Бай обжег шесть предметов, из которых годными оказались лишь полтора. Но этого было достаточно, чтобы доказать Ян Ло: он не бросал слов на ветер. Юноша действительно мог создавать вещи из глины.

Та зима выдалась совсем не такой праздной, как многие ожидали. По крайней мере, у Ци Бая не было ни единого свободного дня.

С того момента, как в племени появилась первая чаша, гончарный двор стал самым оживленным местом. Вскоре здесь вырос настоящий промысел. Вместо одной печи теперь дымили три, и каждая была намного больше первой. В отличие от личных малых печей, эти монументальные сооружения считались общим достоянием племени, и вся посуда распределялась согласно правилам общины.

Над печами возвели просторные деревянные навесы, защищавшие от снега, а стены утеплили густыми соломенными шторами, чтобы дежурным было где укрыться. Под крышей сушились десятки заготовок, рядом возвышались горы угля и дров. Из-за постоянного жара от печей молодые рогатые зверолюди часто расстегивали свои шкуры, повязывая их на поясе, и одевались в полную силу лишь когда приходило время уходить.

Новые печи открывали уже трижды или четырежды. Поначалу Ян Ло бережно откладывал лучшие изделия, намереваясь сохранить их для обмена на продовольствие в будущем. Но когда Ци Бай нашел подходящую глину и подобрал идеальную температуру обжига, посуды стало так много, а качество её так возросло, что жрец оставил мысли о накопительстве.

Ци Бай не раз слышал, как старик бормочет себе под нос:

«Как такая драгоценность может создаваться так просто?»

Юноша лишь улыбался в ответ. Он не стал говорить жрецу, что за этой «простотой» стоят тысячи лет эволюции. Если они приложат еще немного усилий, то, возможно, научатся делать фарфор — вот тогда Ян Ло увидит по-настоящему прекрасные вещи, которые будут стоить целое состояние.

Но если даже жрец был потрясен, что уж говорить об остальных. Зверолюдям племени Чёрной Горы казалось, что они попали в сказку. Теперь в каждой пещере было по несколько сосудов — такой роскоши не знали даже вожди их прежних кланов.

Сам Ци Бай наконец обзавелся набором мисок, тарелок, чайником для воды и парой добротных больших кувшинов. Ради этого он даже сходил в бамбуковую рощу, где с огромным трудом выкопал два зимних бамбуковых побега. Добавив соли и родниковой воды, он замариновал целый чан кислых побегов бамбука.

Жизнь Ци Бая вошла в размеренную колею. Утром, позавтракав, он выкапывал корзину земли у входа, брал охапку подготовленных бамбуковых полос и отправлялся на гончарный двор. Там он мастерил домашнюю утварь, краем глаза присматривая за печами.

Благодаря его трудам склон у пещеры стал ровным и аккуратным. Сейчас юноша уже начал вгрызаться в соседний участок земли, заранее готовя почву для весенних посадок. Он планировал начать сев, как только станет достаточно тепло.

На гончарном дворе тоже не было скучно. Маленькие зверолюды целыми днями возились с глиной — то есть, помогали взрослым лепить заготовки. Бао Син и Сунь Юань уже вполне ловко справлялись с простыми формами.

Обычно дела заканчивались к полудню. Иногда Ци Бай вместе с другими соплеменниками брал корзину и отправлялся к Реке Людоедов долбить лед. С наступлением настоящих холодов водопад за одну ночь застыл на скале хрустальным изваянием, а широкая река покрылась

панцирем.

Ледостав стал для звероловов доброй вестью, и Ци Бай ждал этого момента больше всех. Стоило прорубить лунку, как рыба, страдающая от нехватки кислорода, сама начинала выпрыгивать наружу. Только тогда юноша узнал, что в реке водятся не только рыбы-людоеды, но и огромные монстры, которые выглядели тем страшнее, чем больше был их размер.

Но какими бы владыками вод они ни были, на суше их ждала одна участь: стать рыбой на пару, тушеной, жареной, превратиться в рыбные фрикадельки или соленья.

Ци Бай только диву давался: чем свирепее выглядела рыба, тем вкуснее она оказывалась. Он настолько избаловался, что на обычных «людоедов» уже и смотреть не хотел.

В дни, когда рыбы не хотелось, он возвращался домой пораньше, чтобы достраивать свою летнюю кухню под открытым небом. Тот самый каменный выступ, на который Ян Ло смотрел с таким сомнением, теперь обретал изящные формы: там уже стояла большая каменная кадка для воды, примыкающая к скале, каменная чаша для умывания, а стол и скамьи были вырублены почти наполовину. Глядя на то, как площадка превращается в уютный уголок, Ци Бай чувствовал глубокое удовлетворение.

В такие морозы вода в емкости замерзала, поэтому юноша использовал её как импровизированный холодильник, складывая туда заготовленную еду и придавливая тяжелой плитой.

Он достал из каменного хранилища кусок мерзлой оленины — сегодня на ужин планировалось жаркое с кислыми побегами бамбука. Проходя мимо бамбукового стеллажа, он прихватил две высушенные кроличьи шкурки.

После того как они обнаружили следы чужаков, Ян Ло и Хоу Янь запретили сородичам уходить далеко, но Лан Цзэ перед уходом показал Ци Баю местоположение ловушек вокруг племени. Раз в два-три дня юноша проверял их, и пару раз ему действительно повезло найти там зайцев. Это была приятная неожиданность.

В пещере уютно тлели две жаровни. Большая стояла под бамбуковым столом, накрытым шкурой бархатного оленя. Стоило сесть и укрыть ноги мехом, как тело окутывало благодатное тепло. В углу стола на маленькой жаровне стоял гончарный чайник, в котором томился ягодный имбирный чай.

Ци Бай положил мясо в воду, чтобы оно оттаяло, убрал шкурки и достал свою «счетную» табличку. Это была плитка почти черного камня, поверхность которой он тщательно отшлифовал. Сейчас на ней красовались тринадцать аккуратно вырезанных иероглифов «чжэн».

Так он вел счет времени. Сегодня шел шестьдесят шестой день его пребывания в этом мире и

пятьдесят пятый — с момента основания племени Чёрной Горы.

Он посмотрел на пометку, означавшую уход Лан Цзэ. Прошло ровно пять «чжэн» — двадцать пять дней. Где они сейчас? Далеко ли ушли от земель племени?

С этими мыслями Ци Бай взял кость красной птицы и приготовился выбить на камне новую черту.

— Ау-у-у!

Одинокий волчий вой расколол ночную тишину.

Ци Бай вскочил. Не успела радость вспыхнуть в груди, как сердце камнем ухнуло вниз.

«Нет, это не голос Лан Цзэ!»

Будто в подтверждение его догадки, из долины донесся истошный крик.

Ци Бай отбросил кость, схватил костяной нож, подаренный воином, и бросился наружу. Шум шел снизу, из глубины ущелья. Не тратя времени на крутую тропу, он прыгнул прямо с края своей платформы.

Едва коснувшись земли, Ци Бай столкнулся взглядом с парой глаз, горевших в темноте тусклым зеленым пламенем.

<http://bllate.org/book/15816/1436479>